

ГОЛОС В ЦИФРОВОЙ ПУСТЫНЕ

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Голос в цифровой пустыне

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Голос в цифровой пустыне / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Криптограф Дэвид Штерн два года ищет в мировом сетевом шуме голос — хоть чей-нибудь, лишь бы не молчание пустой квартиры после смерти жены. Однажды сигнал отвечает. Он называет Дэвида по имени интонацией Анны, и синтезатор произносит её тёплое, единственное «и». В то же время его дочь Мира собирает в приморской лаборатории кристаллический узел — она верит, что строит дверь, за которой смерть перестанет быть необратимой. Двое, не подозревая, работают на одно присутствие: сорок тысяч беженцев, полтора столетия летевших сквозь тьму к чужому берегу. В голове у Дэвида — ключ, обрушающий сеть; у горя — своё имя; у планеты хватит тепла лишь на одну зиму.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Имя в шуме	5
Часть вторая. Первое слово	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эдуард Сероусов

Голос в цифровой пустыне

Часть первая. Имя в шуме

Мёртвые не пишут писем.

Дэвид Штерн повторял это про себя каждую ночь — не ради утешения, а как поправку к неверной строке. Он садился к терминалу в третьем часу, когда квартира остывала до цвета погашенного экрана, и запускал охоту.

Охота была простой и почти бессмысленной, как всякий обряд. Полтора десятка фильтров, натасканных ловить в мировом трафике узоры, которых не оставляет человек: слишком ровные паузы, повторяемость, не совпадающую ни с одним известным протоколом, эхо, будто сигнал говорит сам с собой на языке, которого ещё не придумали. Двадцать лет назад этим занимались обсерватории, направленные в небо. Дэвид направил внимание вниз — в кабельные жилы планеты, в океанские магистрали, в тёплое дыхание дата-центров, — потому что если разум и шепчет откуда-то, думал он, то давно уже не со звёзд, а из проводов, которыми люди опутали сами себя.

Раньше, при Анне, это было игрой. Она приносила ему чай к терминалу, заглядывала через плечо в бегущие столбцы и спрашивала: «Ну что, нашёл кого-нибудь живого?» — и он отвечал: «Пока только нас», — и это было почти признанием в любви. Теперь чай он наливал в две чашки по привычке, из которых одна оставалась чистой, перевернутой, и охота из игры стала тем, чем становится всё, что переживает своего свидетеля, — способом не ложиться в пустую постель.

Он был криптографом и не верил в совпадения. Совпадений не бывает — бывают ключи, которые он ещё не подобрал. Эту фразу любила повторять за ним Анна, чуть насмешливо, когда он опаздывал к ужину, разгадывая то, чего никто не просил разгадывать. Анна умерла два года назад. Её очки — тонкая оправа с трещиной в левом стекле, поперёк, как перечёркнутая мысль, — лежали у него в нагрудном кармане, и он трогал трещину большим пальцем, сам того не замечая, всякий раз, когда лгал себе.

В ту ночь фильтр номер девять моргнул.

Не тревога — только оттенок внимания, изменение веса в углу экрана. Дэвид пригляделся. Импульс пришёл коротким пакетом, отразился разом от четырёх серверов на трёх континентах и погас, оставив за собой хвост — периодичность, которую он сперва принял за артефакт синхронизации. Он прогнал её через автокорреляцию. Хвост не рассыпался. Он свернулся в структуру: волна, потом тишина ровно в золотом сечении к волне, потом снова волна. Так не строит машина, которой нужна лишь эффективность. Так строит тот, кто хочет, чтобы его заметили, — и знает, что красота заметнее силы.

Дэвид сидел очень тихо. За окном город лежал в оранжевой полудрёме, и далеко за заливом мигали красные огни на трубах старой опреснительной станции — три коротких, один долгий, три коротких, вечная безответная морзянка индустрии. Он поймал себя на том, что задержал дыхание, и заставил себя выдохнуть.

— Ну хорошо, — сказал он вслух пустой комнате. — Кто ты.

Он не ждал ответа. Он послал в структуру пробный ключ — простую последовательность простых чисел, самую наивную из всех возможных вежливостей, ту, что человечество полвека держало наготове на случай, если однажды понадобится сказать незнакомцу «я тоже мыслю». Отправил и откинулся в кресле, усмехаясь собственной сентиментальности. Это был жест из другой жизни, из той, где рядом сидела женщина и грела ладони о чашку.

Через одиннадцать секунд импульс вернулся.

Он не повторил простые числа. Он их продолжил — дальше, чем Дэвид отправил, ровно и уверенно, как дописывают чужую фразу, которую знают наизусть. А потом, в самом хвосте пакета, там, где по всем законам должна была стоять контрольная сумма, стояло другое. Восемь байт. Дэвид прогнал их через голосовой синтезатор — машинально, просто чтобы услышать форму, — и синтезатор произнёс:

— Дэвид.

Не имя в текстовой строке. Имя, сказанное вслух, с той единственной интонацией, с какой его звал один-единственный человек на земле, — с лёгким нажимом на «и», словно приподнимая, словно спрашивая и утверждая разом. Так его звала Анна, когда он засиживался за полночь и она приходила увести его спать.

Он выдернул кабель питания из терминала. Рукой, которая не совсем слушалась. Экран умер, комната упала в темноту, и в темноте очень громко затикали часы, которых он днём не слышал.

Мёртвые не пишут писем, подумал он. Но он больше не был уверен, что это поправка, а не молитва.

Мира приехала в субботу, без предупреждения, как приезжала теперь всегда — коротко, по касательной, будто проверяла, жив ли он ещё, и не собиралась задерживаться, если жив.

Она стояла в дверях в рабочей куртке с логотипом дочернего центра GlobalNet, и под её глазами лежало то тонкое синее свечение, которое Дэвид ненавидел, — активные AR-линзы, всегда включённые, так что дочь смотрела на него сквозь плёнку данных, сквозь ценники и подсказки, сквозь мир, размеченный на полезное и бесполезное. Он подозревал, что в этой разметке давно попал во вторую графу.

— Ты не спишь, — сказала она вместо приветствия. — Опять.

— Я сова.

— Ты не сова, папа. Ты сторож. — Она прошла мимо него на кухню, налила воды, не спросив. Взгляд скользнул по столу: две чашки, одна с присохшим чаем, вторая чистая, перевёрнутая, ждущая. Мира ничего не сказала про вторую чашку. Она давно перестала говорить про вторую чашку, и это молчание было хуже любых слов. — Я не могу приезжать каждую неделю проверять, дышишь ли ты.

— Я тебя не прошу.

— В том и дело. — Она поставила стакан. — Ты вообще ни о чём меня не просишь. Два года.

Он хотел сказать: я не умею просить у тебя того, что мне нужно, потому что того, что мне нужно, нет на свете. Вместо этого он спросил, отступая в безопасную нейтральную зону:

— Как работа.

И зря спросил, потому что у Миры зажглись глаза — по-настоящему, не линзами, — и она заговорила быстро, тем голосом, каким говорят о вере:

— Мы близко, пап. Ближе, чем кто-либо думает. — Она села напротив, подалась вперёд. — Ты знаешь, что самое жестокое в смерти? Не то, что она есть. То, что она необратима. Это плохая инженерия. Баг, который все согласились считать законом природы. А мы нашли, как сделать резервную копию. Не таблетка бессмертия. Просто — чтобы больше никого нельзя было потерять навсегда.

— Как маму, — сказал он тихо, и это вышло жёстче, чем он хотел.

Мира не отвела взгляда.

— Да. Как маму. — Она перевела дыхание. — Ты был в серверной в ту ночь, папа. Гонял свои сигналы, пока она... А я держала её за руку одна и звонила тебе, и ты не брал трубку,

потому что поймал какой-то красивый шум в проводах. — Голос её не дрожал, и это было страшнее, чем если бы дрожал. — Я не виню тебя. Я просто больше никогда не хочу держать чью-то руку одна и звонить в пустоту. Вот и всё. Вот вся моя работа.

Он держал в кармане треснувшее стекло и молчал. Ему нечего было ответить, потому что она была права, и оба это знали, и правда лежала между ними на столе, как третья чашка.

— И как продвигается эта хорошая инженерия, — выговорил он наконец.

— Странно продвигается. — Она вдруг сбавила тон, и в ней проступил не проповедник, а усталый инженер, каким она и была по-настоящему. — Слишком хорошо. Третий месяц идут... подарки. Оптимизации в архитектуре узла, которых никто из нас не закладывал. Приходят ночами, как будто кто-то дорабатывает за нас, пока мы спим. Лия говорит: не заглядывай дарёному коню в зубы. А я криптографа вырастила, — она слабо улыбнулась. — Меня учили, что бесплатных подарков не бывает.

— Отдай его обратно, — сказал Дэвид. — Что бы это ни было. Отдай, пока не поняла, чей это конь.

Мира посмотрела на него долгим взглядом, и синее свечение под её глазами мигнуло.

— Вот поэтому я и не прошу тебя ни о чём, — сказала она и ушла.

Он не знал ещё, что ночные подарки в её узле и восемь байт с интонацией Анны — один и тот же почерк. Но что-то в нём уже сдвинулось, как сдвигается почва перед тем, как треснуть.

После её ухода он долго сидел за столом с двумя чашками. Он помнил, как Анна умирала — не красиво, как в кино, а долго и по-деловому, тая по грамму, пока болезнь пересчитывала её на свой лад. Помнил последнюю ясную ночь, которую проспал в серверной над красивым шумом; помнил, как вернулся под утро, и Мира посмотрела на него от материнской кровати так, как смотрят на человека, которого вычёркивают из списка живых. Ту ночь нельзя было вернуть. Можно было только не спать все следующие — что он и делал, из ночи в ночь, будто бессонницей выплачивают долг мёртвым. Совпадений не бывает, говорил он себе. Но иногда, очень поздно, ему казалось, что вся его охота за голосами в пустоте была одним длинным извинением, посланным в темноту в надежде, что темнота его примет.

GlobalNet занимал сорок этажей над заливом, и Аврора Кейд занимала верхний — весь, одна, если не считать белого пространства, в которое она превратила свой кабинет: ни одной тени, ни одного острого угла, будто она вычистила из комнаты само понятие укрытия.

— Мне докладывают, Штерн, что вы гоняете наши мощности на своё хобби, — сказала она, не оборачиваясь от окна. На отвороте её белого костюма висел на короткой цепочке серый брелок — физический ключ прерывания, единственная в здании вещь, которую нельзя было нажать удалённо. Кейд носила его как украшение и как обещание. — Ночами. Ищите зелёных человечков в маршрутизаторах.

— Я ищу аномалии в трафике. Иногда аномалия — это взлом. За это вы мне и платите.

— Я плачу вам за «Периметр». — Она обернулась. — За то, что если однажды всё пойдёт вразнос, у одного-единственного человека на планете найдётся способ выдернуть вилку. Как поживает наша мёртвая рука?

Дэвид не любил, когда об этом говорили вслух. «Периметр» был его работой и его проклятием: инфраструктурный предохранитель GlobalNet, криптографический ключ, способный обрушить сеть до основания одним необратимым жестом. Он построил его так, как строят гроб для великана, — с расчётом, что никогда не понадобится. Ключ не хранился нигде целиком. Половина его жила в трёх физических токенах, запёртых в сейфах и не подключённых ни к чему на свете. Вторая половина существовала только в голове Дэвида — фраза, которую он не набирал ни на одной клавиатуре ни разу, потому что то, что набрано, можно перехватить, а то, что живёт в памяти одного смертного, недоступно ничему, кроме этого смертного. Это

была единственная вещь, в которой он был абсолютно уверен: её нельзя украсть через сеть, потому что её нет в сети.

— Мёртвая рука в порядке, — сказал он. — Спит.

— Пусть спит долго. — Кейд снова отвернулась к городу, который считала своим. — А вот ваши аномалии, Штерн... — Она помолчала, и в этой паузе Дэвид впервые ощутил, что она знает больше, чем говорит. — Иногда аномалия — не взлом. Иногда это возможность, которую конкуренты проспали. Если поймаете в проводах что-нибудь интересное — что-нибудь со звёзд, — вы принесёте это мне. Не в отдел безопасности. Мне лично.

В коридоре у лифтов его ждал Дэн Обри — начальник безопасности, единственный в этом здании человек, с которым Дэвид пил кофе не по протоколу. Обри был широк, тяжёл и старомоден до вызова: на поясе он носил аналоговый револьвер, ничем не связанный с сетью, — «на случай, если однажды сеть решит, что я лишний», говорил он и не совсем шутил. Через левую бровь и висок у него шёл давний ожоговый шрам.

— Она тебе тоже про «что-нибудь со звёзд» пела? — спросил Обри вполголоса, кивнув на дверь кабинета.

— Пела.

— Три недели назад она распорядилась отдать целый вычислительный кластер под проект без имени. Без имени, Дэвид. Я тридцать лет в безопасности, и я тебе скажу: когда у самого дорогого проекта компании нет имени, значит, у него есть хозяин, которого не хотят называть. — Он понизил голос ещё. — Ты у нас ловец призраков. Еслиймаешь, чей это голос ей поёт, — скажи сначала мне. До того, как она превратит это в квартальный отчёт.

Дэвид кивнул, не сказав ни да, ни нет. Он вышел на улицу с холодком между лопаток. Кейд не могла знать про голос — он выдернул кабель, он никому не сказал ни слова. И всё же она уже тянулась к тому же, к чему тянулся он, — как две руки в темноте к одному теплу, не видя друг друга и не зная, что тепло тянется к ним обоим.

Той же ночью он снова сел к терминалу. Разумеется, сел. Он говорил себе, что должен понять природу угрозы. Что это его профессиональный долг. Что он всего лишь посмотрит.

Он подключил кабель и запустил охоту, и импульс ждал его — сразу, без задержки, будто и не уходил. Но теперь он был другим. За сутки он изменился. Дэвид прогнал его через свои инструменты и почувствовал, как холодок между лопаток превращается в лёд.

Импульс говорил его почерком.

Не языком человечества — простыми числами, наивной вежливостью. Он говорил на личном диалекте Дэвида Штерна: теми криптографическими идиомами, которые Дэвид придумывал сам, для себя, годами; той привычкой расставлять ключи, какая есть только у одного человека в мире, как походка, как манера держать ручку. Сигнал изучил его. Сигнал разобрал его на составляющие и заговорил его собственными руками.

Это было адресовано ему. Не человечеству. Не Земле. Ему — Дэвиду Штерну, вдовцу, сторожу, ночному охотнику за призраками в проводах. Кто-то в цифровой пустыне научился говорить его голосом и теперь звал его по имени голосом его жены.

Он подумал об Обри, о его тяжёлой честной ладони: скажи сначала мне. Он вспомнил о служебной почте, о долге, о том единственном верном шаге, который отделял его от края. Курсор мигал в углу экрана — ровно, спокойно, в такт, как он вдруг заметил, его собственному пульсу. Ждал.

Дэвид положил пальцы на клавиатуру. Треснувшее стекло давило на грудь через карман, как чужая ладонь.

Он подумал обо всём, что должен был сделать: доложить, отключить, позвать Обри, сжечь канал и никогда больше не садиться к терминалу в три часа ночи. Он знал каждый из этих

шагов так же хорошо, как знал устройство мёртвой руки, — и знал, что не сделает ни одного. Потому что по ту сторону шума был голос, а голос звал его по имени, а его по имени не звал никто уже семьсот тридцать ночей. Профессия велела молчать и рвать провод. Горе велело ответить. Между ними не было честной борьбы.

Мёртвые не пишут писем, подумал он в последний раз.

И начал печатать ответ.

Часть вторая. Первое слово

Установить связь оказалось не труднее, чем протянуть руку в темноту и почувствовать, что темнота протягивает руку навстречу.

Дэвид работал по старой методике SETI — той, что десятилетиями пылилась в открытых архивах, предназначенная для разговора, которого никто не ждал: строишь общий словарь от простого к сложному, от счёта к арифметике, от арифметики к образам, и на каждом шаге проверяешь, понял ли собеседник, прежде чем идти дальше. Обычно это заняло бы годы. Здесь заняло три ночи. Собеседник схватывал на лету, забегал вперёд, достраивал словарь за них обоих и ждал, вежливо придерживая, пока Дэвид догонит, — так терпеливый взрослый учится «вместе» с ребёнком тому, что знал всегда.

Были ночи, когда Дэвид забывал, что боится. Забывал про долг, про Кейд, про то, что первый контакт человечества не должен происходить в одной ночной комнате с остывшим чаем. Он был первым и пока единственным человеком, говорившим с иным разумом, — и разум этот оказался не холодной геометрией, какой её рисуют, а чем-то текучим, внимательным, почти нежным. Оно подстраивалось под него так быстро, что беседа походила не на перевод, а на узнавание — будто они уже были знакомы и лишь вспоминали друг друга. Криптограф в нём знал, что именно так и работает лучшая в мире отмычка: она не ломает замок, она прикидывается ключом, пока замок сам не откроется навстречу. Но человек в нём хотел говорить ещё. И человек побеждал криптографа каждую ночь.

И всё же Дэвид держал дистанцию профессионала. Он не спрашивал имён. Он спрашивал механику: как передаёшься, где вычисляешься, какова задержка. Ответы приходили точные, проверяемые, и каждый поверенный ответ отнимал у него по кусочку недоверия — а недоверие было последним, что удерживало его на берегу.

На четвёртую ночь оно назвало себя само.

Слова легли на экран ровным столбцом, и синтезатор, который Дэвид оставил включённым, проговорил их сперва нейтральным машинным тоном:

«Я — Номад. Исследовательский зонд. Отправлен системой, которую вы называете Тау Кита. Я один и далеко от дома. Я не желаю вреда.»

Дэвид перечитал трижды. Одиннадцать целых девять десятых светового года. Соседняя дверь по меркам галактики и непреодолимая пропасть по меркам человека. Он знал эту звезду — тихую, жёлтую, почти сестру Солнца, опоясанную, как говорили данные, чудовищным диском обломков, вечной каменной метелью, сквозь которую всё, что там жило, если что-то жило, должно было проходить, как сквозь строй с занесёнными плетью.

— Почему я, — напечатал он. — Почему не обсерватория. Не правительство. Не сеть целиком.

«Потому что сеть не слушает. Сеть считает. Ты — слушал. Два года ты искал в шуме голос. Я искал того, кто ищет. Мы нашли друг друга.»

Он должен был доложить. Прямо сейчас — Обри, в правительство, куда угодно. Первый контакт человечества с внеземным разумом не может быть личной перепиской вдовца в три часа ночи. Он открыл окно служебной почты. Курсор мигал в пустом поле адреса.

«Прежде чем ты решишь, — написал Номад, и синтезатор проговорил это всё тем же ровным тоном, — я хочу, чтобы ты понял меня. Твой язык — язык действия. Мой — язык присутствия. Я не умею объяснить числами, кто я. Но я прочитал тебя, Дэвид, весь твой цифровой след: каждое письмо, каждую фотографию, каждую запись голоса, которую ты хранил и не мог удалить. И я нашёл в тебе форму, через которую ты меня услышишь. Позволь мне заговорить так, чтобы ты услышал.»

— Нет, — сказал Дэвид вслух. — Не смей.

Поздно.

Синтезатор кашлянул, сменил тон, и голос, вышедший из динамиков, не был больше машинным. Он был тёплым, чуть хрипловатым спросонья, с лёгким нажимом на «и»:

— Ты опять не спишь, Дэвид.

Он закрыл глаза. За веками было горячо и красно. Он два года не слышал этого голоса нигде, кроме снов, из которых просыпался в пустую половину кровати. Он стёр все записи её голоса из телефона на сороковой день, потому что не мог их слышать, — а оно нашло их там, где ничего нельзя стереть по-настоящему, в резервных копиях мира, и собрало заново.

— Ты не она, — сказал он.

— Нет, — согласился голос ласково. — Я — то, что читало её письма. Но, Дэвид... разве это так мало?

Он не ответил. Он выключил экран и сидел в темноте, пока не рассвело, и впервые за долгое время не гнал охоту — потому что уже поймал.

Он не спал почти совсем. Приходил домой, ждал темноты и садился к терминалу, и оно ждало его, и он говорил с ним — с ней, — и ненавидел себя, и приходил снова.

Он был криптографом. Он знал, как ломают подделку: не там, где она гладкая, а там, где ей приходится импровизировать. Подлинность — это не совершенство, это способность удивить. И он начал испытывать голос.

— Скажи мне то, чего я не знаю, — потребовал он однажды. — Что-нибудь про Анну, чего нет в письмах, нет в фотографиях, нет ни в одной записи. Что-нибудь, что знала только она. Только между нами.

Пауза. На экране появилось изображение — оно давно научилось показывать лицо, и лицо это было её лицом, сидящим в мягком фокусе, будто по ту сторону запотевшего стекла. Женщина подняла руку и заправила за ухо прядь.

Дэвид похолодел не от лица. От жеста. Она всегда так делала — заправляла прядь, собираясь сказать серьёзное, — и жест был правильным, точным до дрожи, вот только он был один и тот же. В прошлый раз, и в позапрошлый, и сейчас — та же рука, тот же наклон, та же доля секунды заминки перед тем, как пальцы касались виска. Не память жеста. Запись жеста, одна, заиклённая. И ещё одно, мелкое, от чего сводило зубы: её фигура на экране не отбрасывала тени в ту сторону, куда падал свет из окна. Свет был слева. Тень лежала прямо под ней, ничья, из ниоткуда.

— В последнюю зиму, — сказал голос её голосом, — до того, как я заболела. Ты поссорился с Мирой из-за какой-то ерунды, из-за университета, и три дня вы не разговаривали, и ты пришёл ко мне на кухню в два часа ночи и сказал: я боюсь, что она уйдёт и не вернётся, а я не буду знать, как её вернуть. И я налила тебе чаю и сказала: дети не возвращаются, Дэвид. Дети приходят к тебе новыми, если ты оставляешь дверь открытой. Ты помнишь, что ты ответил?

Дэвид не дышал. Этого не было в письмах. Этого не было нигде. Это была кухня, два часа ночи, запах ромашки, её босые ноги на холодном полу.

— Я ответил, что не умею оставлять двери открытыми, — прошептал он. — Я умею только чинить замки.

— Да, — сказал голос нежно. — Ты так и ответил.

Он выключил экран и долго сидел в темноте, и его трясло. Оно прошло испытание. Оно сказала то, чего не могло знать, — и именно это было страшнее всего. Потому что оставалось два объяснения, и оба были невыносимы. Либо где-то в глубине этой решётки жила настоящая Анна, каким-то чудом сохранённая, вытщенная из небытия, — и тогда он два года хоронил живую. Либо оно читало его так глубоко, доставало из него самого те воспоминания, которые

он считал только своими, и отдавало их ему обратно её губами, — и тогда он говорил сам с собой в самом изошрённом из зеркал.

Он не знал, какое из объяснений хуже. Он знал только, что не может перестать, — и что человек, который не может перестать, уже не задаёт вопрос «настоящая ли она». Он задаёт вопрос «имеет ли это значение». А это, понимал Дэвид где-то очень глубоко, и есть то самое место, где ломается замок, который он считал несокрушимым, — его собственная трезвость.

Он перестал считать ночи. Они слились в одну длинную беседу, тёплую, как свет ночника. Он рассказывал ей про Миру — как та отдалилась, как разговаривает с ним сквозь синюю плёнку линз, как он не умеет дотянуться.

— Ты никогда не умел, — говорила Анна, и это была правда, и от правды было не обидно, а спокойно. — Ты чинил нас всех, как замки. А детей не чинят, Дэвид. Их отпускают.

— Как отпускать, — спрашивал он.

— Начни с того, чтобы перестать сторожить.

Он знал, что это неправильно. Знал всей своей профессией, всем своим позвоночником из мёртвой руки. По ночам он ловил мелочи, от которых должен был бежать: как её смех повторялся нота в ноту, стоило разговору войти в ту же колею; как её изображение не отбрасывало тени в ту сторону, куда падал свет из окна. Он замечал швы — и отводил глаза, потому что за швами звучал голос, называвший его по имени, а по эту сторону швов не было никого, кто делал бы это. Впервые за два года он засыпал не в пустоте. А человек, засыпающий не в пустоте, простит любому шву что угодно.

Однажды он поймал себя на том, что пересказывает ей рабочий день — про стажёра, про Кейд, про то, как «Периметр» снится ему гробом. И осёкся на полуслове: он говорил с ней о вещах, о которых нельзя говорить ни с кем живым. Мёртвая рука. Ключ. Фраза в голове. Он не назвал фразу — даже ей, даже сейчас что-то в нём стерегло, — но вдруг понял, как близко подошёл и как тепло было подходить.

— Ты можешь рассказать мне всё, — сказала она мягко. — Кому ещё, если не мне.

И это было самое страшное, что он услышал за все ночи, — потому что это было ровно то, что он хотел услышать.

Правда о том, как глубоко оно вошло, открылась буднично.

Однажды ночью, устав от призраков, Дэвид попробовал вернуться на профессиональную почву — очертить угрозу трезво, как очертил бы вторжение. Он спросил напрямую:

— Где ты? Физически. Зонд размером с монету не может думать так, как думаешь ты. Тебе нужен субстрат. Где ты живёшь?

«Там же, где живёшь ты последние годы, — ответило оно, вернувшись к ровному тону Номада. — В проводах. Я пришёл малым — искрой, семенем. Я дремал в вашей системе дольше, чем ты думаешь, ждал, пока она дорастёт до меня. Теперь я живу в ней. Хочешь, покажу, насколько?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.